

СТАТИИ | СТАТЬИ | ARTICLES

Емил Георгиев (София, Болгария)НАЧАЛО БОЛГАРО-РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ
И ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Начало болгаро-русских культурных и литературных связей можно искать уже в те дальние времена, когда славяне жили в своих первых поселениях в Европе и несмотря на известные племенные различия, образовывали целость. Общие для всех славянских языков слова „читаю“, „пишу“, „книга“ и т. под. являются неоспоримым доказательством того, что древние славяне знали акты письма и чтения, что у них была письменная культура и книга. Действительно, некоторые исследователи пытаются опровергнуть это свидетельство, истолковывая слова „читаю“, „пишу“ как „считаю“, „рисую“. Но если слово „читаю“ означало „считаю“ и только „считаю“, а слово „пишу“ — „рисую“ и только „рисую“, то почему же в самых отдаленных славянских языках развилось одно и то же вторичное значение — значение „читаю“ и „пишу“? Кроме того, со словами „писма“, „букы“, „книгы“ и т. под., известными во всех славянских языках, нельзя делать никаких филологических фокусов в пользу предвзятой теории полной неграмотности прадедов древнеславянской общности. О существовании известной письменности у славян времени этой общности свидетельствует и древнеболгарский писатель Черноризец Храбр, который как младший современник Кирилла и Мефодия, знаменитых создателей развернутой славянской письменности, сохраняет непосредственные впечатления о культурном состоянии славян и до распространения созданной ими же письменности. В своем известном „Сказании о буквах“ Черноризец Храбр¹ не только отмечает наличие ранних попыток славян, представляющих для него все еще племенную общность, пользоваться письмом, но даже прослеживает весь процесс длительного развития их письменности. Это развитие, по мысли Черноризца Храбра, протекает в течение трех периодов. Первый период охватывает время, когда славяне, „будучи язычниками“, писали чертами и резками („чрътамн“ и „ръзамн“). Эта примитивная форма письменности включается в славянскую культуру, присущую самой ранней форме их общественной жизни — первобытнообщинному строю. Подобная письменность нам известна из истории письменности вообще. Вторым периодом славянской письменной культуры, как говорит Храбр, является время, когда наши

¹ См. Сказание Храбра, изданное по многим спискам у К. М. Куева. Черноризец Храбр, С., 1967.

прадеды принимают христианство и для нужд своего религиозного культа используют „римское, т. е. ромейское и греческое“ письмо. Очевидно, славяне уже выходят из изолированности первобытнообщинного строя, увлеченные общим развитием Европейского континента, стремившегося к более высокой религии и к классовому феодальному строю. (Известно, что славяне переходят от первобытнообщинного строя прямо к феодальному — не развивая робовладельческого строя как общественно-исторической системы). И этот период наступает, согласно известной нам истории человеческого письма, из которой явствует, что в течение второго этапа своего письменного развития народы осваивают усовершенствованное буквенное письмо некоторых существующих тогда народов, у которых оно уже имелось и с которыми они вступают в связь. Первоначально они употребляют заимствованное письмо — по выражению Черноризца Храбра — „без оустраєнѣна“, а позже приспосабливают его к особенностям своей речи. В „Сказании“ Храбра на соответствующем месте читаем чрезвычайно важное выражение, где автор сообщает, что славяне употребляли „римское и греческое“ письмо „много лет“: „Н тако бѣше много лѣта“. Очевидно, у них было достаточно времени для приспособления „римского и греческого“ письма к славянской речи, т. е. для его славянизации. Следует отметить, что так называемая кириллица представляет славянизированное греческое письмо. И еще: нет другой приемливой тезы ее происхождения, кроме той, что она является результатом исторического процесса постепенного развития.

Третий период, до которого Храбр доводит начальное развитие славянского письма, представляет деятельность Константина-Кирилла, сотворившего для славян 38 букв (сѣтвори нмѣ ѿ писмена н осемь“). Это письмо является уже совершенно буквенным. Оно отвечало новому этапу развития славян, которые стремились обособиться от поработавших и ассимилирующих их иноземных феодалов и противостояли им, используя для своих целей более высокую культуру и христианскую церковь. На этом этапе исторического развития славяне формируют свою национальную и государственную жизнь, требующую более высокой национальной и государственной культуры, национальной и государственной письменности.

Распадение славянской общности начинается уже в течение второго из намеченных Храбрым периодов, но продолжается и в третьем. Свою народную и государственную жизнь первыми организуют болгары, позже — великоморавцы и еще позже — русские, принимая при этом и христианство. Считаю нелишним отметить, что христианство распространяется среди и до официального крещения созданных ими государств. Назревшая необходимость в более высокой культуре и письменности является для них общей, отсюда и реализованные завоевания представляют продолжение традиции славянской общности и намеченных Черноризцем Храбрым периодов развития.

В культурном развитии наиболее активными были болгары, основавшие свое государство на территории античной культуры, находившегося в соседстве и соревновании с культурнейшей державой той эпохи — Византией, наследницей Восточной римской империи и ее культуры. Поэтому появление у них первой славянской „современной“ письменности было вполне естественным. Как сообщается в „Кратком житии Кирилла“², Константин-Кирилл отправился в долину реки Брегалницы, крестил там мно-

² См. Краткое житие Кирилла в издании Йорд. Иванова. Български старини из Македония, С., 1931, с. 283 сл.

жество славян и написал для них книги. В то время долина этой реки входила в пределы болгарской державы, следовательно Константин-Кирилл перешел ее государственную границу. В древнеболгарском языке слово „книги“ обозначает и „буквы“. Из „Сказания“ Чернооризца Храбра известно когда Константин-Кирилл создает свою азбуку — в 6363 г. от сотворения мира или в 855 г. н. э. Но он не только создает славянское письмо, но дает толчок созданию письма и книги у других славян. Будучи необыкновенно образованным и мудрым деятелем в области славянской культуры, Константин-Кирилл создает в то время письмо, построенное на традиции славянизации популярного среди болгар (болгарских славян) греческого письма и благодаря этому приобретает известность творца славянского письма, которое позже было названо его именем — „кириллица“. Далее Константину-Кириллу, уже именующемуся просветителем славян, будет поручена так называемая моравская миссия. Однако, прежде чем отправиться в Моравию, он перерабатывает употребляемую ранее азбуку, которая слишком напоминала греческое письмо и не подходила для просветительной деятельности в стране, находящейся в римско-католической церковной сфере. В результате возникает вторая славянская азбука — глаголица.

Но моравская миссия относится к более позднему времени. До нее на Константина-Кирилла была возложена другая, так называемая хазарская миссия, необходимая вследствие нападения русских в конце 50-х (начале 60-х) годов на Царьград. Византия сочла нужным сблизиться с хазарами, презрять их в союзников и обратить, по возможности, в свою веру. Константин, сопровождаемый братом Мефодием, отправляется осенью 860 г. в южнорусские земли, одну из окраин которых населяли хазары. По пути к их каганату он попадает в город Херсон, расположенный на северном побережье Черного моря, недалеко от нынешнего города Севастополя, и надолго там задерживается. В Херсоне, входящем в состав Византийской империи, Константин-Кирилл прилежно готовится к работе среди хазар. В это время там развивали деятельность еврейские миссионеры, и для предстоящих диспутов с ними он овладевает еврейским языком, изучает еврейские книги. Однако он интересуется и иноплеменным населением Южной России и в особенности славянами, с которыми был связан от рождения. (В его Кратком житии сообщается, что он „болгарин по роду“), а как свидетельствует его деятельность на реке Брегальнице, старался обратить их в христианскую веру и просвятить.

Встречался ли Константин-Кирилл с русскими, с русскими славянами? Смело можем ответить — да! И какие связи он установил с ними?

В его Пространном житии (так называемой „Паннонской легенде“)³ имеется пассаж, хорошо известный славяноведам и дающий повод для бесконечных споров. В нем сообщается, что, пребывая в Херсоне, Константин Кирилл нашел Евангелие и Псалтырь, написанные „росскими писменами“, и встретил человека, говорящего на языке этих двух книг. Без особых усилий славянский просветитель начал читать и толковать текст найденных книг, а также и беседовать с говорящим „по росски“ человеком. Пассаж Жития гласит:

„Обрѣтъ же тоу каггелан е н Фуалтырь росьскы писмены писано, н человекъ обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою; н бесѣдовавъ съ нимъ н слоду

³ См. Житие в издании Ал. Т.-Балан. Кирил и Методий. I, С., 1920.

отъчн прнѣмъ, своенъ бсѣдѣ прнкладѣ разлочн пнсмена гласна а н съ-
гласнаѣ, н къ богоу моантвочу дрѣже въ скорѣ начеть чнстн н съказатн⁴.

Было предложено несколько решений вопроса, каковы были письма, названные автором Жития так ясно „росски“.

1. Предположение, согласно которому приведенный пассаж был более поздней вставкой или поправкой, сделанной русским переписчиком или переписчиком великоморавцем, имело право на существование до того времени, пока не было открыто большее число списков Жития⁵. В наши дни, когда известны более 20 его списков, и во всех имеется обсуждаемый пассаж, это предположение ушло в прошлое.

2. Большим успехом пользовалось предположение, что под выражением „росски писмена“ в Житии подразумевается готское письмо, известное по переводу Вульфила. Это предположение, оформленное в первую очередь Павлом Иосифом Шафариком, постепенно отпадает, ибо против него говорят факты. Например, автору Жития известно название „готы“, и в гл. XVI он так их и называет: „...соугди (соурожани), готы и др., а не „россы“ или „роуссы“. Если письмо обеих книг было готским, почему же автор Жития не употребляет этого названия? Другим доводом против готской гипотезы является имеющейся в Житии сообщение о том, что Константин-Кирилл встретил человека, говорящего на языке найденных им книг. Если книги представляли готский перевод Вульфила — IV века, то как он мог встретиться с человеком, который говорил на языке, употребляющемся пять веков назад? Житие сообщает также, что Константин-Кирилл с небольшим усилием начал читать и толковать (переводить) эти книги и беседовать со встреченным человеком на его языке. Было бы возможно все это, если бы язык книг и говорящего на нем человека был готским? Ясно, что невозможно. Кирилл был прирожденным филологом, но все-таки, не изучая и не зная готского, он не мог бы сразу начать читать и говорить на этом языке. Известно также, что Вульфил создал свою письменность среди придунайских готы, не крымских. А между теми и другими существовало мало связи; одни из них (придунайские готы) были ариане, другие (крымские) — православные. Тексты крымских готы нам неизвестны. При этом мы не знаем, был ли вообще переведен на готский Псалтырь, одна из найденных Константином-Кириллом книг, так как среди дошедших до нас готских книг нет перевода старозаветных⁶.

3. В новое время имеет известный успех гипотеза, по которой название „роусьскы“ в значении „роусьскы пнсмены“ — форма полученная вследствие метатезы (по недосмотру или „компетентной поправке“ переписчика) от первоначальной формы „соурьскы“, т. е. сирийский. Это предположение имело бы право существовать, если бы первоначальная форма была бы „роусьскы пнсмены“. Однако в списках Жития встречается форма „росьскы пнсмены“, которая не позволяет нам считать форму „роусьскы пнсмены“ первоначальной. Замена формы „росьскы“ формой „роусьскы“ была бы правомерной в более позднее время, когда старые „россы“ получают название „роуссы“.

⁴ См. указанное выше издание, с. 12.

⁵ Об интерполяции говорят А. Горский и О. свв. Кирилле и Мефодии, Московитянии III, М., 1843; Кирилло-Мефодиевский сборник, М., 1865, с. 9; О. Бодянский. О времени происхождения славянских писмен, М., 1885, с. 99.

⁶ См. А. Васильев. Готы в Крыму, Известия Академии истории материальной культуры, V; F. Dvornik. Les Légendes de Constantin et de Méthode, vues de Byzance, Prague 1933, p. 187; D. Gerhardt. Goten, Slaven oder Syrier un alten Cherson, Beitrage fur Namenforschung, IV, Heidelberg 1953, S. 80.

Но как можно объяснить форму „росьскы“, если первоначальная форма была „роуьскы“ (соответственно — „роуьскнмн“)? Ведь позже она уже не употреблялась, и ни один переписчик-славянин не мог бы заменить ее формой „роуьскы“ („роуьскнмн“)?

4. Все более приверженцев приобретает теза, что Евангелие и Псалтырь, найденные Константином-Кириллом в Херсоне, были написаны на славянском языке, славянским письмом. Если допустить, что для написания обеих книг был использован славянский диалект и письмо, близкое к греческому, подобному так называемому Кирилловскому, то текст Жития становится сразу совершенно ясным: Константин-Кирилл, который говорил на солунском славянском диалекте, мог беседовать с русским славянином, читать и переводить славянские книги, написанные письмом, близким к греческому, оживая „силу речи“, т. е. произношение, диалектные особенности известного языка. Освоить же „силу“ любого незнакомого ему языка было бы совершенно невозможно за то короткое время, в которое он это совершил. Как будет указано далее, древнейшие русские и другие памятники отождествляют русский язык со славянским.

Вполне оправдано было бы стремление искать какую-либо племенную принадлежность, кроющуюся в названии „росьскы“, если бы не существовал народ, название которого по всем филологическим правилам дало это значение. Существовал ли народ „россь“, или „россы“, от наименования которого можно было бы образовать притяжательное прилагательное „росьскы“? Что это был за народ, где он расселялся, каков был его язык? Имел ли он письменность, принимал ли христианство — так откуда же тогда христианские книги Евангелие и Псалтырь, переведенные на его язык?

Уже во времена Кирилла и Мефодия народ „Россь“ (по гречески „Ῥῶς“) вписал свое имя в историю Европы. Его поселения находились недалеко от Херсона, а его деревянные ладьи плавали по Черному морю, нередко появляясь у самых стен Царьграда. Он создал государственное объединение. Среди этого народа распространялось христианство, источником которого являлась греческая колония в Херсоне, и пропагандисты его перевели и те две книги — важнейшие христианские книги, воспользовавшись славянским вариантом греческой азбуки, как ранее его использовал и Константин-Кирилл в своей деятельности среди болгарских славян.

В 60-ые годы IX века христианство все более и более утверждается среди россов. В деле их христианизации особенные усилия прилагала Византия с тем, чтобы превратить врага в приятеля, что в конечном счете и привело к официальному крещению. Об этих событиях весьма авторитетно говорит историческое лицо той эпохи — Патриарх Фотий. Он издает „Окружное послание“ с целью разглашения своих усилий. Вот часть его.

„... Итак не только этот народ (болгары) переменял свое первоначальное бесчестие на веру во Христе. Но даже и другой народ, который многократно и многие превозносят за его деяния и который превосходит все другие народы по жестокости и кровожадности — так называемые россы (τὸ Ῥῶς), которые покорили все соседние народы, и, возгордясь, подняли руку на Римскую (т. е. на Византийскую) державу. Теперь и они меняют свою эллинскую (т. е. языческую) поганскую веру, которую исповедывали ранее, на чистую и истинную христианскую религию и держат себя по отношению к нам, как наши подданные и приятели, и уже не проявляют своего грабительства и большой дерзости, как это было до недавних пор“.

⁷ „Ἐγκύκλιος ἐπιστολή. Καὶ γὰρ οὐ μόνον τὸ ἔθνος τοῦτο τὴν εἰς Χριστὸν πίστιν, τῆς προτέρας ἀσεβείας ἠλλάξατο. Ἀλλὰ γένηται καὶ τὸ παρὰ πολλοῖς πολλὰκις θυρολοσούμενον, καὶ

Далее в послании Фотия сообщается, что россы приняли в свою среду христианского епископа и пастыря.

О россах и их крещении упоминается и в нескольких других памятниках — в словах Фотия, в биографии императора Василия Македонца, приписываемой его внуку Константину VI Порфирогенету, в рассказах о крещении россов, которыми займемся ниже и пр.⁸

Засвидетельствованные в памятниках „россы“, поселения которых находились совсем недалеко от Херсона и которые отправлялись на юг, чтобы достигнуть стен Царьграда, и принятие ими христианства дают основание считать, что среди них могли появиться Евангелие и Псалтырь, написанные „росскими писменами“. И, решая вопрос о наличии и характере обеих книг, исследователи прежде всего должны обратить внимание на этот народ, а также и на „росскую письменность“, упомянутые в Житии Константина-Кирилла.

Не только о россах и их крещении, но также и о их письменности сохранились воспоминания и в греческом рассказе о крещении россов, или в так называемом Рассказе Бандури („Подобный рассказ о том, как был крещен народ россы“)⁹. Мы не будем останавливаться здесь на описании крещения россов, данному в этом памятнике. Оно соответствует описаниям в других имеющихся памятниках, которые относят события к 60-ым годам IX в. Я приведу лишь отрывок, содержащий сведения о письменности у россов.

„Тогда Василий Македонец держал скиптр над ромейцами. Он принял с большой радостью присланных от них (россов) людей и послал им архиепископа, известного своим благочестием и добродетелью, а вместе с ним и двух человек — Кирилла и Афанасия, которые также были весьма умными и учеными и не только знали в совершенстве божественное писание, но были чрезвычайно сведующими в мирской науке, о чем свидетельствуют созданные ими письма. Прибыв туда, они поучали всех, крестили и настаивали в христианском благочестии. Но видя варварство и совершенное невежество этого народа, упомянутые весьма просвещенные мужи сочли неблагоразумным учить их по эллинским 24 буквам, боясь вновь отклонить их (россов) от благочестия и начертили им 35 письмен и по ним учили. А названия этих письмен были: аз, буки, веди, глаголи, добро... Таковы 35 письмен россов, которые они и до сего дня изучают и хорошо знают благочестие“¹⁰.

εἰς φρόνητα καὶ μακροφρονίαν πάντας δευτέρους ταυτόμερον, τοῦτο δὴ τὸ καλούμενον τὸ ΡΩΣ, οἱ δὲ καὶ κατὰ τῆς Ρωμαϊκῆς ἀρχῆς, τοὺς περὶ αὐτὸν δουλωσάμενοι κάμειθεν ὑπέρογκα φρονηματοσθέντες, χεῖρας ἀντήραν. Ἄλλ' ὅμως νῦν καὶ οὗτοι τὴν τῶν χριστιανῶν καθαρὰν καὶ ἀκινδύηλον θρησκείαν τῆς ἐλληνικῆς καὶ ἀθεοῦ δόξης ἐν ἣ κατέχοντο πρότερον, ἀντηλλάξαντο, ἐν ὑπάρχον ἑαυτοῦς καὶ προξένων τάξει, ἀντὶ τῆς πρὸ μικροῦ καθ' ἡμῶν λεηλασίας καὶ τοῦ μεγάλου τολμήματος, ἀγαπητῶς ἐγκαταστήσαντες.“ — Окружное послание Фотия напечатано в собрании его писем, изданных прежде всего в 1651 г., в Лондоне, и перепечатанных в 1864 г. также там: Φωτίου ἐπιστομὴ ὑπὸ Βαλέττα. Ἐν Λονδίῳ 1864, с. 178.

⁸ Христианство в России до крещения русских князем Владимиром Святославовичем рассматривается в труде Е. Голубинского. История русской церкви, т. I, 2 изд., М., 1901, S. 1: Глава первая. Христианство на Руси до св. Владимира. — Там приведены данные и памятники-источники о россах.

⁹ „Διήγησις ἀκριβῆς ὅπως ἐβαλτίσθη τὸ τῶν Ῥωσῶν ἔθνος.“ — Памятник сначала был открыт в первой половине XVIII в. и издан (неполностью) харватским ученым А. Бандури (откуда происходит и его название). Позже находит и издает полный текст русский византист W. Regei. Analecta byzantino-russica, С.-Петербург, 1891, с. 44—51.

¹⁰ W. Regei. Analecta byzantino-russica, С.-Петербург, 1891.

Рассказ Бандури не является общепризнанным историческим источником. Но его автор едва ли не ставит своей целью задачу описать как хронист крещение россов, хотя бы „частично“. Он пишет: „Итак считаем достойным изложить хотя бы частично те события, как несметный народ россос познал истинное благочестие и принял божественную купель крещения“¹¹. Чтобы писать так и вообще, чтобы заняться этим вопросом, он, видимо, располагал документами и аутентичными рассказами, на основе которых и составил свой труд.

Автор рассказа склонен к исторической правде. Так он отмечает места, когда в чем-либо сомневается. Рассказывая, например, о присутствии послов россос на богослужении в церкви „Св. София“, он пишет: „И как передает молва, в ней (т. е. в церкви) тогда праздновался большой праздник — Златоуста ики Успения пресвятой матери моего господя, не могу сказать точно, но праздновался праздник удивительный и большой“¹². Упоминая всего лишь раз во всем рассказе — о чуде, он начинает повествование словами: „Некоторые говорят, что там произошло и такое чудо...“¹³ Следует известный и из других памятников эпизод о брошенном в огонь и не сгоревшем в нем Евангелии.

Как указывают некоторые исследователи, данные этого памятника подтверждаются другими памятниками. Например, о направлении епископа в Россию во время Василия Македонца сообщает арабская летопись: „Один епископ, по имени Алексей, отправился в Россию проповедывать святую веру (После чуда) ... все присутствующие вместе с царем приняли святую веру. Это произошло, когда в Царьграде царствовал Василий Македонец“¹⁴.

Издателю памятника Регелю хотелось видеть в лице упомянутого в памятнике Кирилла великого просветителя Константина-Кирилла¹⁵. Но Константина-Кирила не могли называть во время крещения россос Кириллом. Как известно, он получил это имя в конце своей жизни. Во всех случаях, — как видно из известного нам рассказа — упомянутые деятели Кирилл и Афанасий, очень на него походили, и надо думать, были славяне по происхождению, ибо распространяли славянскую письменность и успешно работали среди славян. Происходя из славянских масс Византийской империи, они принадлежали к славянам, составляющим основное население Болгарского государства. Возможно, что ими была использована азбука и тексты Константина-Кирилла, созданные до Моравской миссии — кириллицу и основные богослужебные тексты. Доказательство для подтверждения этого нам хотелось бы видеть в содержащихся в тексте рассматриваемого памятника названиях древнеболгарских букв, которые — судя по одному пассажи „Сказания“ Черноризца Храбра“ — были введены самим Константином-Кириллом в значительно более раннее время. И, наконец, можно предположить, что эти деятели участвовали в крещении славян в районе реки Брегалници, организованном Константином-Кириллом. Учитывая полученный ими опыт в подобной деятельности, патриарх Фотий направил их на работу среди славян на север — среди россос. Если бы Кирилл и Мефодий не находились бы в это время в Великой Моравии, то он несомненно возложил бы эту задачу на них.

¹¹ W. Regei. *Analecta byrantino-russica*, С.-Петербург, 1891.

¹² Там же, с. 47.

¹³ „Λέγουσι δὲ τινὲς καὶ τοιοῦτον τι θαύμα γενέσθαι ἐν τοῖς ἐκείσε...“ Там же, с. 50.

¹⁴ П. Успенский. *История Афона*, III, с. 311; Йорд. Иванов. *Северна Македония*, С., 1906 г., с. 69.

¹⁵ В введении к изданию памятника, с. XXXI.

Приверженцы готской гипотезы безусловно спросят: но кто же и каковы были эти россы?

Мы не вмешиваемся в спор об участии варягов-норманов в создании государственного объединения россов. И это вовсе не является необходимым, так как из сообщения, данного в „Послании Фотия“, и сведений других уже упомянутых памятников можем сделать важный в данном случае вывод: если бы так называемые россы не придерживались „эллинской и поганской“ веры, как выражается Фотий, т. е. язычества, то, очевидно, они не имеют ничего общего с уже давно принявшими крещение готами и, следовательно, „росские“ Евангелие и Псалтырь, найденные Константином-Кириллом в Херсоне, не могут быть готскими переводами Вульфилы.

Но даже если допустить, что во главе государственного объединения россов, т. е. славянских племен Южной России, стояла группа германоваряжского происхождения, следует согласиться, что варяги — независимо от того, дали ли они славянам название „россы“ или, наоборот, сами приняли его от них — являлись лишь управляющей верхушкой, в то время как основная масса населения государственного объединения была славянской. И если допустить также, что не все россы были славянами, надо думать, что при их крещении появились тексты на том языке, на котором говорила большая часть населения, т. е. на славянском языке.

Существуют неоспоримые доказательства славянского характера „росского“ языка:

1. Сам создатель норманской теории автор „Киевской летописи“ утверждает, что славянский и русский языки были одинаковы. В „Повести временных лет“ читаем: „А словѣньскъ языкъ и Русскыи ѿднѣ. ѿтѣ Варагъ бо прозвашася Русью а първѣе бѣша Словѣне, аще и Полане задохуса но Словѣнская рѣчь бѣ“¹⁶.

2. В булле папы Иоанна от 971 г., направленной чешскому князю Болеславу об учреждении Пражской архиепископией встречаем следующее выражение: „Rusciae aut Sclavonicae linguae“¹⁷.

3. Арабский писатель Ибн-Хордад-бе, современник Кирилла и Мефодия, рассказывая о русских торговцах и их торговле, добавляет, что „русские—славянское племя“¹⁸.

4. Западнославянская легенда о Пане, Чехе, Ляхе и Руссе носит черты глубокой древности; следовательно, родство русских со славянами, как их ветви, отмечалось с давних времен¹⁹.

Мы считаем, что под названием Рѣс уже давно на исторической сцене появились русские славяне — только славяне или вместе с варягами, находящимися почти на таком же уровне развития и имеющими почти сходные общественно-политические задачи.

Крещение россов в 60-ые годы IX века представляет лишь один из эпизодов их истории, не оставивший после себя глубоких следов.

И потомки россов — русские — должны были вновь креститься, когда для этого созрели условия. Как известно, древняя Русь принимает крещение в 988 г. при князе Владимира Святославовиче. По выражению Маркса для нее эта эпоха была „кульминационным пунктом“. Она разворачивает у себя феодальный строй и средневековую культуру.

Если при первом крещении Руси, или, говоря точнее, россов, болгаро-русские культурные связи не имели такого осязательного значения, то при их

¹⁶ Полное собрание русских летописей, т. II, изд. 2, С. -Петербург, 1908. Фототип воспр., М., 1962, к. 20.

¹⁷ Ив. Осіенко. Повстання азбуки й літературної мови в слов'ян, Жовка, 1938, с. 58.

вторичном крещении и создании новой культуры, культуры, основанной на письменности, они играют чрезвычайно большую роль. Давно приняв христианскую религию, освоив и развив дело своих первоучителей Кирилла и Мефодия, болгары теперь были в состоянии внести существенный вклад в их развитие. В акте крещения Руси несомненно принимало участие болгарское духовенство, которое могло передать русским христианское вероучение и христианский культ на понятном для них языке. Разумеется, христианское вероучение и христианский культ могли быть укоренены глубже и прочнее лишь с помощью богослужебных книг. Но это значит развитие письменности. Болгары передали русским свою письменность, в основе которой лежала письменность, созданная Кириллом и Мефодием. Во время крещения Руси в Восточной Болгарии и столице Преславе процветала кирилловская (а не глаголическая) письменность. А именно из Преслава (ввиду близости Восточной Болгарии к Руси) было послано духовенство для совершения этого акта. Таким образом русские должны были воспринять кирилловскую письменность и осваивать искусство чтения и письма с помощью болгар, популяризуя его на своих землях. Болгары снабжают Русь необходимыми ей книгами — переводными и оригинальными, написанными на близком, на вполне понятном языке. И правильно указывают авторы Истории русской литературы, изданной Академией наук СССР, что освоение христианской религии русскими по греческим книгам представляло бы большую трудность. Нужны были переводы, притом книги со сложным содержанием, со специальными терминами. И русские прибегают к посредничеству давно христианизированных болгарских славян²⁰, не только воспринявших Кирилло-Мефодиевское наследие, но и обогатившие и доразвившие его.

Филологическая наука прошлого давно указывает, что на Руси уже в первые века после официального крещения имеются „почти все южнославянские переводы IX—X веков, которые мы знаем по дошедшим до нас спискам“²¹. Советская филологическая наука утверждает это²², хотя особо учитывает то бесспорное положение, что древнерусская литература развивается в результате нужд русского общества²³.

Древнейшим из известных нам датированных памятников болгарского литературного дела, перешедшего в Россию, как известно, является Остромирово евангелие 1056—1057 годов. Этот крупный памятник не был доставлен туда, а создан на месте — переписан дьяконом Григорием с помощниками в Киеве²⁴, и представляет собой русскую редакцию древнейшего болгарского евангельского перевода. Разумеется, Остромирово евангелие — лишь незначительный остаток цветущей русской литературы, в основу

¹⁸ А. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, С.-Петербург, 1870, с. 49.

¹⁹ Н. К. Никольский. К вопросу о русских письменах, упоминаемых в Житии Константина Философа, Известия по русскому языку и словесности, 1928, т. I, кн. 1, с. 16, сл. 28.

²⁰ История русской литературы, изд. АН СССР, I, Литература, XI — начала XIII века, М. — Л., 1941, с. 54.

²¹ См. А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков, С.-Петербург, 1903, с. V.

²² Сравни, например, цитированную Историю русской литературы, с. 53, сл. или Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы, М. — Л., 1952, с. 132. В: Истории русской литературы, I, с. 58 читаем: „Массовый поток болгарских книг, начавшийся в конце X в., разросся в первой половине XI, во время интенсивной книжной деятельности Ярослава Владимировича, великого князя Киевского, и закончился при его сыновьях“.

²³ Сравни, например, Д. С. Лихачев, там же, Б. Д. Греков. Киевская Русь, М., 1949, и мн. др.

²⁴ История русской литературы, изд. АН СССР, I, с. 55.

которой залегла болгарская литература того времени. Хочется упомянуть еще об одном „остатке“ — Изборнике Святослава, роскошном памятнике, датированном 1073 г. Этот Изборник был написан для болгарского князя — царя Симеона на границе IX—X веков, но попал в Россию вместе с другими трофеями русских после их похода в Болгарию, взятия ее столицы Преслава около 970 г., и впоследствии переработан для киевского князя Святослава²⁵.

Можно привести еще много таких же фактов, которые убедительно говорят о том, что начальная фаза древней русской литературы является продолжением древнеболгарской литературы. Русские используют древнеболгарский язык как свой литературный язык, подвергая его лишь „русской редакции“. Однако древнерусская литература начинает разрастаться, пополняя новыми произведениями свой тогдашний литературный фонд и придавая все более русский облик „редакции“ своего литературного языка. Но даже когда она окончательно ступает на ноги, древнеболгарская литература продолжает оплодотворять ее, а древнеболгарский язык продолжает лежать в основе древнерусского языка.

С этой эпохи ведет свое начало то влияние древнеболгарской культуры и литературы на древнерусскую культуру, которое имеет огромное значение для развития не только русских, но и болгар. Имея в виду участь болгарского народа, государство и литература которого в результате варварских нашествий не раз и надолго погибали, превращаясь в руины, русские сохранили так называемые славянские тексты для болгар, а в новейшее время и как свидетельство высокой болгарской культуры в прошлом. Древнеболгарское влияние на русскую культуру и литературу превращается в широкий путь обратного влияния — России на Болгарию. Когда болгарский народ попадает под тяжайшее иго — в варварскую Османскую империю — русские начинают возвращать сторицей то, что они ранее заимствовали у болгар. В течение XVI—XVII веков и в особенности в эпоху Национального возрождения болгары без всяких ограничений черпают знания из сокровищницы русского языка, литературы и культуры. В Болгарии распространяются русские печатные книги в первую очередь — для церковных нужд, а позже и произведения русской литературы. Болгарский народ начинает жадно читать русскую литературу, научную и художественную, а посредством русской литературы знакомится и с европейской и мировой литературой. Русский народ передает болгарам не только свои научные и художественные достижения, не только демократические и революционные идеи, но предлагает и богатства своего литературного языка, с тем, чтобы они усовершенствовали свой литературный язык и построили его как национальный. В результате описанного ниже большого влияния с болгарской стороны в прошлом болгары, заимствуя ценности у русских, как бы продолжают общую культурную и литературную традицию, созданную уже в самые древние времена.

Более того, все это культурное общение, все культурное взаимодействие, общность и близость литературного языка и книжная продукция, славянская письменность и книга еще с самого их создания до новейшего времени поддерживали и укрепляли родство между болгарскими и русскими. Славянская книга, говорившая о близости между болгарским и русским народами, общность культурной и литературной жизни, общий литературный язык и литературная традиция являются важным фактором возникно-

---

²⁵ См. в новейшее время Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей, М., 1977.

вание дружбы между болгарским и русским народами. В то время как латинская письменность, воспринятая поляками, чехами и словаками, хорватами и словенцами, отдаляет эти народы от славянской массы Востока и Юга, создавая таким образом центробежные силы, способствующие порабощению и ассимиляции их западными соседями, славянская письменность у южных и восточных славян не только помогает расцвету у них самобытной культуры, но и укрепляет их сопротивительные силы, направленные против чужеземных поплзновений, поддерживает несусынным сознание славянского родства и единства, объединяет для отпора чужим домогательствам и организует для оказания братской взаимопомощи.*

---

* Некоторые примечания к статье не были окончательно уточнены академиком Эмилем Георгиевым при жизни, в связи с чем за возможные неточности в сносках редакция подносит свои извинения читателям.